

УДК 94 (47)

УЧАСТИЕ РОССИИ В РЕШЕНИИ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКИХ ВОПРОСОВ ОБ ОСТРОВАХ ЭГЕЙСКОГО МОРЯ И СТАТУСЕ СЕВЕРНОГО ЭПИРА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1914 ГОДА

© 2019 Ю.Ю. Иерусалимский, А.М. Тиунчик

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Статья поступила в редакцию 11.06.2019

Статья посвящена роли России в решении важной проблемы в европейских международных отношениях по статусу островов Эгейского моря и смежного с ней вопроса о статусе Северного Эпира. В ходе исследования авторы статьи пришли к выводу, что в процессе решения островного вопроса в первой половине 1914 года Россия потерпела неудачу. Тем не менее деятельное участие России, несмотря на некоторые противоречия по данному вопросу со своей союзницей по Антанте Англией, было направлено на поддержание мира в регионе. Приведенный в статье материал показывает активную борьбу России за потенциального союзника на Балканах и в Европе против Тройственного союза.

Ключевые слова: Российская империя, Османская империя, Греция, острова Эгейского моря, Северный Эпир, С.Д. Сазонов, Э. Венизелос.

После Балканских войн 1912-1913 гг. в регионе оставалось большое количество нерешенных проблем. Россия традиционно интересовалась проливами Босфор и Дарданеллы. С проблемой проливов был тесно связан вопрос о статусе островов Эгейского моря, оспариваемый Грецией и Османской империей. Для решения вопроса об указанных островах в феврале 1914 года была создана специальная европейская комиссия великих держав.

Эвакуация греческих войск из Эпира была неразрывно связана с вопросом об островах. Греция пыталась выторговать наиболее выгодное решение в свою пользу по островам от европейской комиссии, владея ситуацией в Эпире, – это в свою очередь провоцировало конфликт в Албании. От решения этих важнейших вопросов зависело то, какой из блоков европейских стран – Тройственный союз или Антанта получит

Иерусалимский Юрий Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной средневековой и новой истории. E-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

Тиунчик Андрей Михайлович, магистр истории, документовед кафедры отечественной средневековой и новой истории. E-mail: praprog83@mail.ru

стратегическое преимущество на Балканском полуострове.

Для российского правительства главным в вопросе по греческим островам было распределение тех из них, которые находились в непосредственной близости к Дарданеллам. В первую очередь это касается острова Лемнос, который замыкал выход из пролива, из-за возможности разместить на его территории вооруженные силы, оснащенные артиллерией, включая ее новейшие образцы. Англия настаивала на сохранении этого острова за Грецией, что было совершенно невыгодно российской стороне, которая соглашалась на сохранение этой территории за Турцией. Российские дипломаты рассчитывали, что при вероятном будущем территориальном споре с Турцией Россия могла получить контроль над Лемносом, а с ним и выход из пролива. В случае греческой принадлежности острова (при английской поддержке) контроль за проливом для России оказывался недостижимым, т.к. увеличивалось количество преград: вместо одной Турции появлялись еще Англия с Грецией.

Особые осложнения у эллинов вызывал вопрос принадлежности островов архипе-

лага Додеканес и в том числе самого крупного из них – острова Родос. Греки имели на эти территории особые планы и требовали решения вопросов принадлежности островов (как и других в Эгейском море) в свою пользу. Но проблема была в том, что Додеканес и Родос находились в итальянской оккупации еще со времен итало-турецкой войны 1912 года. По итогам итало-турецкой войны в результате Лозаннского мирного договора Италия обязывалась очистить острова, после того как Османская империя выведет свои войска из Киренаики и Триполитании¹. Поэтому адресовать свои претензии Турции греческое правительство не могло несмотря на преобладание греческого населения на островах.

Турки же ни при каких обстоятельствах не были согласны на передачу под греческий контроль прибрежных островов Хиоса и Митилены. Они были готовы отстаивать свои интересы любыми средствами, вплоть до объявления войны². Одним из главных проводников инициативы о передаче этих островов эллинам выступил английский министр иностранных дел Э. Грей, который рассчитывал, что его стране будет проще влиять на Грецию.

В то время Турция сама настаивала на активном вмешательстве европейской комиссии по островам Эгейского моря, опасаясь, что договориться с греками у нее не получится. Были попытки обратиться за помощью к румынам. По их просьбе румынский генерал К. Коанда говорил с греческим премьером Э. Венизелосом о миролюбивом настрое Турции³. Впоследствии румынское правительство выразило сожаление за действия своего генерала. По мнению российского Министерства иностранных дел, во избежание резкого обострения международной обстановки именно державы Тройственного союза должны были выступить с финальным заявлением по островам. Именно интересы Австрии и Италии в контексте борьбы за преобладание в Адриатике стояли на кону, так как

греки занимали Эпир и не собирались оттуда уходить.

Греция продолжала укреплять военные силы. Ими велись переговоры о приобретении нескольких аргентинских броненосцев у США⁴. Британия готовила для Греции морскую программу. Для этих целей адмирал-инструктор Карр составил рапорт, в котором обрисовывалась тактическая и техническая составляющие создания нового греческого флота. Это имело положительный эффект для греческого общественного мнения, новая программа попала на страницы газет. Очевидно, что Греция с новыми приобретениями становилась сильной морской державой.

Другой важной проблемой, оспариваемой эллинами, был вопрос об определении южной границы Албании. Россия в этом вопросе могла уступить в обмен на благоприятное для себя решение вопроса по островам. Э. Венизелос просто не мог не настаивать на данных территориальных приобретениях. Эвакуация войск из отходящих к Албании районов греческим общественным мнением была воспринята как поражение, нужно было как-то компенсировать потери.

Греки признали границы южной Албании, заранее заручившись гарантиями в островном вопросе. После чего 13 и 14 февраля 1914 года шесть великих держав передали ноту греческому и турецкому правительству о решении передать Греции все оккупированные ими турецкие острова за исключением Тенедоса, Имброса и Кастельрико, которые оставались за Турцией. При этом греки обязывались не укреплять острова, препятствовать контрабанде с Малой Азией и гарантировать неприкосновенность мусульманского населения этих территорий. Вопрос об островах Додеканеса оставался при этом открытым. В то же время греки обязывались 1 марта 1914 года начать эвакуацию Северного Эпира и острова Сасено и завершить ее в течение месяца⁵.

В целом с решением великих держав Греция согласилась, посетовав на то, что они имеют такие же права и на те 3 острова, которые остались за Турцией. При этом решение великих держав сильно критиковалось оппозиционной печатью. В вину ставилось сильное промедление, нерешенность проблемы Додеканеса, а также отсутствие гарантий греческому населению Албании, в то время как подобные гарантии давались мусульманскому населению присоединяемых островов⁶. Греки резонно требовали европейской защиты новой территории от турецкого посягательства, потому что по условиям решения комиссии они должны были скрыть все укрепления.

Турция в свою очередь была крайне недовольна и выразила свое недовольство прежде всего державам Тройственного союза за то, что они слабо отстаивали ее интересы. В то же время реальных возможностей влиять на ситуацию у нее не было. Османы были прижаты условиями реализации займа, который стоял в прямой зависимости от соблюдения мира в регионе. К тому же при разговоре турецкого с румынским представителем последний дал четко понять, что не допустит нарушения Бухарестского трактата (по итогам Второй Балканской войны). Следовательно, Румыния выступила против любой сухопутной операции против Греции. Без поддержки сухопутных сил на море Османская империя не имела мощного военно-морского флота, способного угрожать Греции.

С целью усиления своего флота еще в декабре 1913 года турецкое правительство купило английский дредноут «Риоде-Жанейро», который был построен для Бразилии⁷. Впоследствии, с началом Первой мировой войны, этот корабль будет реквизирован британцами и не дойдет до турецких берегов. Также Турция планировала, что к декабрю 1914 года придут 2 дредноута, купленные у Ан-

глии⁸. Усиливая флот, Порты рассчитывала в будущем на пересмотр островного вопроса.

Греки были очень взволнованы новыми приобретениями Турции. Если бы обе страны завершили в срок свои морские программы – турки получили бы солидное преимущество на море, опережая соперников минимум на полгода. Такое развитие событий производило сильное впечатление на греческого морского агента Г. Кризиса. Избежать этого можно было, только если турецкий дредноут в сентябре не дошел бы до Константинополя по каким-либо причинам. Греки рассматривали возможность захвата судна, чего российский посланник в Константинополе М.Н. Гирс делать не советовал. «Лично я не буду, конечно, ничего иметь против, если бы турецкий дредноут не достиг Константинополя, но эллинское правительство должно прежде всего принять в расчет, как отнеслись бы в Лондоне к такому факту захвата судна, построенного в Англии, интересы коей заключаются в его беспрепятственном доходе до места назначения, так как Турция, в противном случае, была бы вправе отказаться от дальнейших заказов у нее своих военных судов»⁹, – отвечал российский посланник греческому морскому агенту на подобные мысли.

Вопрос для греков был настолько болезненным, что 23 мая стало известно об обсуждении в греческом министерстве планов оккупации Смирны¹⁰, очевидно, с целью помешать усилению турецкого флота. Турция знала об этом совещании и спешно готовила оборону малоазийского побережья.

В конце июня грекам удалось купить у США два устаревших броненосца за 11 млн долларов¹¹. Это подействовало успокоительно на правительство Греции. Теперь, по мнению Э. Венизелоса, турки не могли диктовать свои условия даже в случае приобретения дредноутов. Однако опасность оставалась, ведь суммарная ог-

невая мощь турецкого флота могла стать несравненно больше, чем у нескольких старых броненосцев.

Османская империя не могла смириться с потерей прежде всего Хиоса и Митилены. Со стороны Турции была попытка провести сепаратные переговоры с Грецией об обмене островов, на что был получен уклончивый ответ, и дело так и не сдвинулось. Логика греков была понятна, для них решение по этим островам было удовлетворительным, поэтому они не решались на какие-либо действия, которые выходили за рамки европейского контроля.

По поводу вышеупомянутых островов великий визирь обращался за помощью в Россию¹². Советник российского посольства в Константинополе К.Н. Гулькевич согласился эту просьбу передать в Петербург только при условии, если Турция не станет обращаться с подобными заявлениями к другим державам. К.Н. Гулькевич считал, что так или иначе Хиос и Митилена рано или поздно вернутся оттоманам, поэтому в деле сближения с Портой можно было ее поддержать в этом вопросе. Тем более переход этих островов (в меньшей степени, чем Лемноса) грекам – не соответствовал российским интересам. Хотя в министерстве полагали, что не могут воздействовать на Грецию в островном вопросе, и советовали великому визирю как можно лояльнее отнестись к решению держав.

Итак, по рассмотренным пунктам греко-русских отношений следует сделать вывод, что из великих держав, пожалуй, меньшую выгоду извлекла из итогового решения комиссии именно Россия. Вопрос о принадлежности островов, перекрывающих пролив, для нее был куда важнее албанского вопроса. Реакция на греческую морскую программу тоже была не радужной. Россия с опаской смотрела на гонку вооружений флотов Турции и Греции, угрожавших военным столкновением

двух стран. Для Российской империи это становилось серьезной проблемой прежде всего из-за опасности закрытия проливов. Во многом по этим причинам в Петербурге старались осуществлять посредничество в переговорах между Белградом и Афинами, в то же время оказывалось примирительное воздействие между Афинами и Софией, а также Афинами и Константинополем.

Параллельно с вопросом по островам Эгейского моря решался неразрывно связанный с ним вопрос об эвакуации Эпира. Освобождение территории Албании от греческих войск было весьма болезненным. Английский посол настаивал на угрозе применения военной силы в сторону Греции в том случае, если она не выполнит эвакуацию в срок до 31 марта. Россия в этом англичан не поддержала¹³.

28 февраля население Эпира объявило об автономии, что также осложняло эвакуацию. Греческий король Константин I отдал приказ разоружать местное движение и священные дружины¹⁴ с целью предотвращения кровавых столкновений армии и населения.

В то же время англичане не спешили выступить с заявлением о готовности применить силу в случае нарушения Турцией условий решения комиссии. Более того англичане не спешили выступать с инициативой по поводу предоставления гарантий греческому населению на территории эвакуации, считая, что подобные заявления если и должны быть, то только со стороны Австрии и Италии. Такой подход вызывал тревогу в России и Франции. С.Д. Сазонов считал, что данная британская нерешительность может впоследствии спровоцировать новую балканскую войну, в которую будет втянута Сербия, а возможно, и Австро-Венгрия¹⁵. По его мнению, гористая местность Эпира, а также наличие оружия у эпириотов в совокупности со слабостью греческой милиции могли вызвать кровопролитные

столкновения. Греков нужно было серьезно мотивировать, чтобы они как можно скорее завершили эвакуацию, тем более что выступления эпириотов постепенно начинали носить помимо антиалбанского, в то же время и антигреческий характер. Россия, безусловно, опасалась новой Балканской войны, потому что она могла коренным образом переменить баланс сил в регионе в пользу Австрии.

В Вене считали, что эпириоты во главе с Г. Зографосом должны были решить проблему о статусе Северного Эпира непосредственно с Албанией и уже после вывода греческих войск. Итальянцы полагали, что для наблюдения за эвакуацией нужно послать военных агентов от великих держав. В ответ на это страны согласия резюмировали, что появление военных агентов на территории Северного Эпира может быть воспринято как признание независимости этой части Албании.

Итальянское правительство считало, что греки не должны вмешиваться в дела между эпириотами и албанцами, более того они должны воздействовать на первых с целью прекращения брожений. Вместе с этим итальянский министр иностранных дел Санджулиано заявлял, что будет настаивать на том, чтобы албанское правительство пошло на уступки по отношению к своему южному населению¹⁶. В то же время на помощь в борьбе с эпириотами албанскому правительству из Италии было направлено 10 тыс. ружей¹⁷.

Ситуация накалялась: восстание эпириотов способствовало брожению среди албанских племен, в основном малиссоров и мирдитов. Это в свою очередь осложняло определение южной границы Албании, установленной Лондонским совещанием (по итогам Первой Балканской войны). В приграничных стычках, в которых также участвовала и греческая армия, гибли люди. Так, гибель одного валахского учителя возбудила целую антигреческую кампанию в румынской

печати. Промедление было невыгодно в первую очередь грекам.

Существовала опасность, что в этот вопрос ввяжется Черногория и еще больше обострит положение. Албанские племена Хоти и Груда заняли территории, которые отошли черногорцам в результате Лондонского совещания. С целью выбить оттуда албанцев черногорское правительство направило 6-тысячный военный отряд¹⁸. Российский министр обратился к черногорскому правительству в попытке остановить продвижение этого отряда, но безуспешно.

Сильно осложнялось положение Э. Венизелоса. Оппозиция вела активную кампанию по его дискредитации. Неопределенность границы Южной Албании только способствовала этому.

8 марта 1914 года державы Тройственного союза в полном своем составе сделали вербальное коллективное заявление греческому министру иностранных дел Г. Стрейту. Во-первых, гарантировалась полная свобода вероисповедания и равноправие всех языков для населения Албании. Исполнение этого решения и придание гласности возлагалось на плечи Австро-Венгрии и Италии. Во-вторых, подтверждались достигнутые с Э. Венизелосом соглашения об исправлении границ Южной Албании, более удобные Греции. Согласно заявлению держав, исправления должны быть осуществлены только после полной эвакуации греческой армии. При этом не затрагивалось исправление границы Корицкой казы, на чем особенно настаивали греки, так как оно противоречило решениям Лондонской конференции (по итогам Первой Балканской войны). В-третьих, державы обещали учесть греческие пожелания о наборе в жандармерию местных жителей пропорционально в соответствии с национальным составом региона¹⁹.

В России сепаратный ответ Тройственного союза на греческую ноту, направленную всем державам, вызвал большое удивление. Данное заявление не могло

полностью удовлетворить пожеланий греческого правительства хотя бы потому, что оно не давало никаких гарантий сохранения новоприобретенных Грецией островов от турецкой угрозы. Это мнение также разделяли английское и французское правительства. Э. Грей считал, что нужно подготовить ответное предложение, но уже от лица всех заинтересованных держав. По его мнению, неполный ответ, который дали державы Тройственного союза, был хуже промедления.

Германский посол тут же заявил, что сепаратное заявление Тройственного союза является только лишь недоразумением. Доказывая свои слова, он показал предписание об участии только в редакции совместного проекта шести великих держав. В действительности в России считали, что отдельное заявление было продумано Австрией и Италией и лишь поддержано германской стороной. По мнению российского МИДа, это заявление было вызвано слабостью держав Тройственного согласия и их нерешительностью в данном вопросе. Греческие газеты уже на следующий день с определенной долей недовольства подхватили австро-итальянский проект. Министр Г. Стрейт выдвинул обсуждение проекта на заседание палаты, где на государственном уровне были высказаны негативные мысли относительно него.

В Париже и Петербурге наиболее оптимальным решением сложившейся ситуации считали дополнительное заявление Австрии и Италии, в котором они дали бы гарантию сохранения Хиоса и Митилены за греками в случае любой турецкой угрозы. С.Д. Сазонов и французский министр иностранных дел Г. Думерг высказывались за постепенную эвакуацию греческой армии, однако ближе к концу обозначенного срока настаивали уже на немедленном выводе войск. При этом оба соглашались с тем, что первый князь Албании Вид сначала должен дать гарантии для греческого населения Северного Эпира после эвакуации войск Греции.

Страны согласия подготовили свой вариант ноты. Важно было не дать повода державам Тройственного союза заблокировать ее исполнение. Отказ от вручения ноты в таком виде странами Тройственного союза выглядел бы в глазах Греции как намеренное затягивание ситуации.

Вариант ноты был направлен в Рим, Вену и Берлин. Страны союза ограничились минимальными правками, добавив пункт о вероисповедании и языках в Албании, а также о жандармерии²⁰. В качестве своей правки к ноте греческому правительству итальянцы указывали обозначение статуса оставшегося за ними острова Кастеллоризо²¹. Они вообще были против любого упоминания Додеканеса в прессе, поэтому в ответе старались этот вопрос не поднимать.

Важным отличием проектов двух блоков было то, что державы Тройственного союза настаивали на термине «дружественное влияние» (*influence amicale*) применительно к возможным действиям Турции в нарушение решений европейской комиссии по островам Эгейского моря. По мнению стран Согласия, такое обозначение могло сподвигнуть турок на обострение ситуации, а поэтому настаивали на формулировке «все свое влияние» (*son influence*). Впрочем, Англия и Франция были готовы уступить в этом вопросе для ускорения вручения ноты Э. Венизелосу. Мнение России было иным, но в рамках блоковой политики она согласилась с уступкой союзников по поводу формулировки с целью быстрее разрешения проблемы.

В это же время состоялся визит германского императора Вильгельма II в Грецию на остров Корфу. С греческой стороны помимо всей королевской семьи на остров отправились также Э. Венизелос с Г. Стрейтом. Император высказывался за скорейшее восстановление мира между эпириотами и албанцами, стремясь прежде всего ликвидировать противоречие между двумя его основными союзниками Австро-Венгрией и Италией.

Уже после этого визита 23 мая 1914 года завершились долгие и сложные переговоры

между Австрией и Грецией о подписании договора о торговле и мореплавании²². Сложность заключалась в противоречии интересов внутри Двуетной монархии. В России сомневались, что некоторые пункты договора, такие как соглашение, облегчающее ввоз в Австро-Венгрию товаров земледелия из Греции, могли быть приняты венгерским парламентом, в котором преобладал аграрный элемент.

По мнению российского правительства, те сложности, которые возникли при переговорах, только лишь еще более охладили отношения между Грецией и Австрией. Тем не менее наличие долгосрочных договоренностей между странами, визит германского императора на о. Корфу и попытка вручения сепаратной ноты державами Тройственного союза были признаками того, что германский блок всерьез рассчитывает на союз с Грецией. Это заставляло страны Антанты спешить с принятием итоговой ноты.

Итоговая совместная нота представителями шести держав была вручена правительству Э. Венизелоса 24 апреля 1914 года²³. В ответ греческий премьер отдал распоряжение армии о немедленном уходе с территории Албании. Однако прежде чем уйти, Греция добилась принятия в мае 1914 года Корфского соглашения, согласно которому в трех приграничных провинциях – Химаре, Корче и Гирокастре устанавливалась частичная автономия под контролем великих держав²⁴.

Греческие газеты тут же подхватили новость и в крайне неблагоприятном тоне начали ее комментировать. Особенно отмечалось, что греки так и не получили должных гарантий, хотя они покорно выполняли все пожелания держав, в то время как Турция, весьма агрессивно встретившая решение по островам, получила опасность употребления к ним лишь «дружественного влияния»²⁵.

Таким образом, ключевым вопросом греко-российских отношений накануне Первой мировой войны стало февральское решение европейской комиссии по

островам Эгейского моря. В целом Россия извлекла из него немного. Главный итог – закрепление за греками острова Лемнос – был, хоть и ожидаемой, но все же дипломатической неудачей для России. Так или иначе, Россия как великая держава принимала на себя посреднические функции в большинстве международных вопросов, касавшихся Греции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века / Под ред. А.В. Игнатьева. М., 1997. С. 354.

² Нотович Ф.И. Дипломатическая борьба в годы Первой мировой войны. Т.1. М.-Л.: Академия наук СССР, 1947. С. 138.

³ Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и Временного правительств 1878-1917 гг. (далее – МОЭИ): Серия 3. Т. 2. М.-Л.: Гос. соц.- экон. изд-во, 1933. С. 200.

⁴ МОЭИ. Серия 3. Т.1. М.-Л.: Гос. соц.- экон. изд-во, 1931. С. 261.

⁵ Нотович Ф.И. Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. Т.1. С.142.

⁶ МОЭИ. Серия 3. Т.1. С.340.

⁷ МОЭИ. Серия 3. Т.1. С.56.

⁸ МОЭИ. Серия 3. Т.2. С.398.

⁹ МОЭИ. Серия 3. Т.2. С.399.

¹⁰ МОЭИ. Серия 3. Т.3. М.; Л.: Гос. соц.- экон. изд-во, 1933. С. 86.

¹¹ МОЭИ. Серия 3. Т.3. С.424.

¹² МОЭИ. Серия 3. Т.1. С.418.

¹³ МОЭИ. Серия 3. Т.1. С.267.

¹⁴ МОЭИ. Серия 3. Т.1. С.464.

¹⁵ МОЭИ. Серия 3. Т.1. С.362.

¹⁶ МОЭИ. Серия 3. Т.2. С.334.

¹⁷ МОЭИ. Серия 3. Т.2. С.337.

¹⁸ МОЭИ. Серия 3. Т.1. С.316.

¹⁹ МОЭИ. Серия 3. Т.1. С.515.

²⁰ МОЭИ. Серия 3. Т.2. С.327.

²¹ МОЭИ. Серия 3. Т.2. С.335.

²² МОЭИ. Серия 3. Т.3. С.95.

²³ МОЭИ. Серия 3. Т.2. С.369.

²⁴ Соколовская О.В. Греция в годы Первой мировой войны. 1914-1918 гг. М., 1990. С. 13.

²⁵ МОЭИ. Серия 3. Т.2. С.421.

**RUSSIA'S PARTICIPATION IN THE SOLUTION OF PAN-EUROPEAN ISSUES
ON THE ISLANDS OF THE AEGEAN SEA AND THE STATUS OF THE NORTHERN EPIRE
IN THE FIRST HALF OF 1914**

© 2019 Yu.Yu. Ierusalimskiy, A.M. Tiunchik

P.G. Demidov Yaroslavl State University

The article is devoted to the role of Russia in solving an important problem in European international relations on the status of the islands of the Aegean Sea and the related issue of the status of the Northern Epirus. In the course of the study, the authors of the article concluded that in the process of solving the island issue in the first half of 1914, Russia failed. Nevertheless, the active participation of Russia, despite some contradictions on this issue with its ally Entente England, was aimed at maintaining peace in the region. The material cited in the article shows the active struggle of Russia for a potential ally in the Balkans and in Europe against the Triple Alliance.

Keywords: Russian Empire, Ottoman Empire, Greece, Aegean Islands, Northern Epirus, S.D. Sazonov, E. Venizelos.

*Yuri Ierusalimskiy, Doctor of History, Professor, Head
of the Department of Russian Medieval and Modern
History. E-mail: osniyar@uniyar.ac.ru
Andrey Tiunchik, Master of History, Document
Specialist Department of Russian Medieval and Modern
History. E-mail: praprog83@mail.ru*